

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

В. С. Стариков

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИДАНЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В результате первого этапа дешифровки киданьского письма, проведенного с помощью электронно-вычислительной техники, подтвердилось мнение подавляющего большинства русских и советских ученых, а также ряда зарубежных о принадлежности языка киданей к монгольской группе языков¹. Все это повышает интерес к художественной литературе киданьского народа, создавшего в средние века свою самостоятельную систему письма, способствовавшую быстрому развитию яркой цивилизации киданей, империя которых в то время была самой могущественной державой в Восточной Азии.

В связи с этим все материалы, имеющие отношение к достаточно обширной киданьской литературе, должны стать объектом более тщательного изучения, для того чтобы можно было составить о ней более полное представление. Это особенно важно потому, что произведения киданьской литературы являются, по-видимому, наиболее ранними образцами произведений монголоязычной литературы. Одно это представляет большой интерес для монголоведения, тем более что известные науке образцы среднемонгольской литературы (например, «Сокровенное сказание») показывают хорошо развитый литературный язык, тогда как произведения древнемонгольской литературы все еще остаются неразысканными. Поэтому есть все основания согласиться с мнением Н. В. Кюнера, предполагавшего наличие какой-то связи между языками среднемонгольской и киданьской литературы.

Предположение, что «старописьменный монгольский язык происходит от киданьского», высказывал также Л. Лигети².

Данная статья является кратким обзором того, что сделано в области изучения киданьской литературы в русском киданеведении.

Сведения о киданьской литературе как оригинальной, так и переводной, а также о киданьских писателях, поэтах и поэтессах разбросаны в исторических источниках «Ляо ши» («История Ляо», составленная в XIV в. по киданьским материалам), «Цидань го чжи» и др., опубликованных на китайском языке и частично на маньчжурском.

¹ В. С. Стариков и В. М. Надеяев, *Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма*, — «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма», М., 1964, стр. 23.

² Рецензия Л. Лигети на кн.: Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т. I, М., 1953) в журн. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 136.

Первым русским ученым, собравшим из этих источников краткие материалы по вопросам возникновения и развития литературы у киданей, был Л. Н. Рудов, погибший в блокированном Ленинграде. В 1940 г. он подготовил статью по истории киданей, которая была разослана для обсуждения, но начавшаяся война 1941—1945 гг. помешала ее публикации.

Небольшой раздел в ней был посвящен киданьской литературе и наиболее известным киданьским авторам. Считавшаяся утраченной, эта работа была найдена М. Л. Пчелиной, дочерью покойного, и после войны передана в числе других материалов Л. Н. Рудова в Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения (ныне ИО Института народов Азии АН СССР). Опубликовали ее только через 20 лет после написания, но, несмотря на такой срок, она по-прежнему имеет значительную научную ценность³. В публикации, в частности в разделе о литературе, не удалось полностью восстановить научный аппарат (статья рассылалась для обсуждения без списка литературы), и это в некоторой степени затрудняет обращение к первоисточникам.

В статье Л. Н. Рудова впервые в истории русского киданеведения были приведены краткие, но достаточно полные данные о киданьской художественной литературе. (Все ранние авторы только упоминали о наличии литературы у киданей, не приводя фактического материала.)

В целях восстановления истины и установления приоритета Л. Н. Рудова необходимо отметить, что сведения о киданьской литературе, приведенные в вышедшей несколько ранее статье Л. И. Думана⁴, фактически основаны на упомянутой работе Л. Н. Рудова.

Литература в киданьской империи развивалась как на киданьском, так и на китайском языках. Из имеющихся крайне скудных сведений видно, что киданьские писатели и поэты в основном являлись представителями правящей верхушки, что характерно для любого феодального общества. Все известные литераторы принадлежали к правящим родам Елюй и Сяо.

Известно, что император Вэньшуху (посмертное имя — Шэн Цзун, годы правления 982—1031), написавший оду «О передаче государственной печати» и свыше 500 других стихотворений, также перевел на киданьский язык «Сатирический сборник» известного китайского поэта Бо Цзюй-и, творившего в период династии Тан (771—846).

Правивший после него император Ибугин (посмертное имя Син Цзун, годы правления 1031—1055) тоже обладал поэтическим призванием и, по имеющимся сведениям, «зачастую дарил своим приближенным собственноручно написанные поэмы»⁵.

Поэзия была не чужда и киданьским женщинам, что говорит о степени распространения образования в киданьском обществе и высоком уровне развития культуры. Так, императрица Гуань Инь (из рода Сяо, ее посмертное имя Сюань И) была одаренной поэтессой. Она написала большую поэму «Убежище сожаления» после потери расположения своего мужа императора Нелиня (посмертное имя Дао Цзун, годы правления 1055—1101). Считается, что ею же было написано стихотворное произведение «Десять ароматов», сыгравшее роковую роль в ее судьбе. По существующей версии, эта поэма, полная фривольных выражений и недвусмысленных намеков, послужила доказательством

³ Л. Н. Рудов, *Кидани*, — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 158—172, разд. «Киданьская литература», стр. 170—172.

⁴ Л. И. Думан, *К истории государств Тоба, Вэй и Ляо*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XI, Китайский сборник, М., 1955, стр. 36.

⁵ Л. Н. Рудов, *Кидани*, стр. 171.

обвинения ее в любовной связи с придворным актером. Приговоренная к смертной казни, она успела написать еще одно произведение — поэму «Пресекающаяся жизнь».

Поэзией также занималась императрица Долилань, жена последнего киданьского императора Яньнина (посмертное имя Тянь Цзо, годы правления 1101—1125). Когда усилившиеся чжурчжэни начали войну против киданей, она написала обличительную поэму, пытаясь таким образом повлиять на своего мужа, который забросил государственные дела и, несмотря на реальную угрозу существованию киданьской империи, проводил все время на охоте, ведя разгульный образ жизни.

Известные литераторы имелись и в числе родственников императоров правящей династии из рода Елюй. Так, например, поэт Елюй Цзыжун писал в царствование Шэн Цзуна; писатель и поэт Елюй Шучэн, его сын Елюй Пулу, а также его брат эссеист Елюй Шучжэнь, Елюй Ханью и др. писали во времена правления Син Цзуна. Современником императора Нелиня был писатель Елюй Манцзянь⁶.

Князь Елюй Бэй (старший сын Елюя Абуги, основателя киданьской империи), ставший после разгрома и покорения тунгусского государства Бохай во главе созданного на завоеванной территории княжества Восточное Дань, очень любил китайскую литературу и сам был незаурядным писателем. О характере его творчества известен отзыв китайских авторов: «Чувства его печальны и тревожны; его краткий, но насыщенный мыслями язык соответствует стремлениям изысканного человека»⁷.

Призвание к литературному творчеству имел и его сын Елюй Лунсянь, который тоже был умным и широкообразованным человеком. Сборник его произведений «Парк» получил распространение в Китае⁸.

К сожалению, ни одно из произведений киданьской художественной литературы, о которых имеются сведения в «Ляо ши» и других источниках, не дошло до нас в своем оригинале. Однако литературные достоинства этих произведений, судя по сохранившимся упоминаниям, совершенно бесспорны.

Лишним подтверждением этого являются стелы двух киданьских императоров Ибугиня и Нелиня, а также двух императриц, найденные в известных подземных мавзолеях вблизи местечка Цаган Субурга во Внутренней Монголии. Эти стелы содержат пространные эпитафии. Китайские их варианты дали превосходные образцы прозаическо-поэтической эпитафийной литературы середины XI — начала XII в. Благодаря этим находкам для истории киданьской литературы открылись новые имена авторов, обладавших определенным литературным талантом. Киданьские варианты эпитафий, написанные другими авторами, пока еще не дешифрованные, по-видимому, обладают не меньшими достоинствами.

Литературные произведения киданей продолжали существовать и много лет спустя, даже в XIII в., после уничтожения киданьской империи, как это показывают материалы «Цзинь ши» («История династии Цзинь») и других источников.

Например, Елюй Чуцай (1189—1243) — выдающийся государственный деятель и поэт, советник и министр Чингисхана и его преемника Угэдэя (изучил киданьское письмо и язык своих предков в период пребывания в государстве каракитаев во время похода Чингисхана в Среднюю Азию в 1219—1224 гг.) — перевел на китайский язык заме-

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 170—171.

⁸ Там же, стр. 171.

чательную киданьскую поэму, озаглавив ее по-китайский «Цзуй и гэ» («Песни во хмелю»). Подчеркивая высокие литературные достоинства и глубину оригинала, он сравнивал его с произведениями Су Ши и Хуан Тин-цзяня, крупнейших китайских поэтов сунского времени (XI—XII вв.)⁹.

Можно надеяться, что изучение художественной литературы киданей, давших наиболее ранние образцы произведений на одном из монгольских языков, начатое первым советским киданеведом Л. Н. Рудовым, будет развиваться благодаря новым археологическим и дальнейшим исследованиям в этой области.

⁹ Елюй Чуцай, *Чжань-жань цзюй-ши вэнь-цзи*, л. 76; Ван Го-вэй, *Елюй Вэнь-чжэн гун нянь-пу юй-цзи*, л. 26 (на кит. яз.); K. A. Wittfogel and Feng Chia-sheng, *History of the Chinese Society Liao*, Philadelphia, 1949, p. 244.